

Батомункуева С. Р. История культа Махакалы в Бурятии / С. Р. Батомункуева // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 273—288. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288.

Batomunkueva, S. R. (2021). History of Mahakala Cult in Buryatia. *Nauchnyi dialog*, 12: 273-288. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288

История культа Махакалы в Бурятии

Батомункуева Соелма Ринчиновна

orcid.org/0000-0002-5060-0296

кандидат философских наук,
младший научный сотрудник
soelmul@mail.ru

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено по гранту
Российского научного фонда
№ 21-18-00074 «Миры махаянского
буддизма в контексте мировых
цивилизационных процессов»

History of Mahakala Cult in Buryatia

Soelma R. Batomunkueva

orcid.org/0000-0002-5060-0296

PhD in Philosophy,
Junior Researcher
soelmul@mail.ru

The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out under the grant
of the Russian Science Foundation
No. 21-18-00074 “Worlds of Mahayana
Buddhism in the context of world
civilizational processes”

© Батомункуева С. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история культа Махакалы в бурятском буддизме. Представлено краткое введение в историю божества. Отмечается, что это один из главных покровителей школы гелук, взгляды и традиции которой распространились среди бурят. Выполнен обзор работ, содержащих наиболее ранние сведения о почитании божества в бурятских храмах. Сообщается, что культ Махакалы в Бурятии представлен преимущественным почитанием трех его форм: Шестирукой, Четырехликой и Белой Шестирукой. Показана важная роль культа Махакалы, который заменил наиболее почитаемых в общемонгольском мире шаманских духов-онгонов. Сообщается, что в период распространения буддизма среди бурят у монголов доминировало сакьяское направление с его главным покровителем Гургон Махакалой. Отмечается, что, несмотря на монгольские традиции, в бурятском буддизме утвердилась другая — Шестирукая форма божества. Автор полагает, что это связано с именем первого Пандито Хамбо ламы Дамба-Даржа Заяева, привнесшего в бурятский буддизм почитание этого божества напрямую из Тибета и назначившего его покровителем первого бурятского буддийского храма. Делается вывод о значимости культа Махакалы, который не только приобрел большое значение в рамках своей исконной религии, но и вошел в систему шаманских воззрений.

Ключевые слова:

буддизм; буряты; монгольский мир; божества; Махакала.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the cult of Mahakala in Buryat Buddhism is considered. A short introduction to the history of the deity is presented. It is noted that this is one of the main patrons of the Geluk school, whose views and traditions have spread among the Buryats. A review of works containing the earliest information on the veneration of a deity in Buryat temples is carried out. It is reported that the cult of Mahakala in Buryatia is represented by the predominant veneration of its three forms: Six-armed, Four-faced and White Six-armed. The important role of the cult of Mahakala, which replaced the most revered shaman spirits-ongons in the common Mongolian world, is shown. It is reported that during the spread of Buddhism among the Buryats, the Sakyas direction with its main patron Gurgon Mahakala dominated among the Mongols. It is noted that, despite the Mongolian traditions, another — the Six-armed form of the deity — was established in Buryat Buddhism. The author believes that this is connected with the name of the first Pandito Khambo Lama Damba-Darzha Zayayev, who introduced veneration of this deity to Buryat Buddhism directly from Tibet and appointed him the patron of the first Buryat Buddhist temple. The conclusion is made about the significance of the Mahakala cult, which not only acquired great importance within the framework of its original religion, but also entered the system of shamanistic beliefs.

Key words:

Buddhism; Buryats; Mongolian world; deities; Mahakala.

История культа Махакалы в Бурятии

© Батомункуева С. Р., 2021

1. История распространения буддизма среди бурят

Официальной датой признания буддизма в Бурятии считается 1741 год, тогда как первые сведения о буддизме на ее территории относятся к XVII веку. В период распространения буддизма буряты являлись частью общемонгольского мира и все изменения происходили в связи с аналогичными процессами у монголов. Изначально активными распространителями буддизма были монгольские роды, перекочевавшие в Забайкалье в XVII веке, и прежде всего он начал распространяться в той среде, где находил поддержку покровителей в лице бурятских *тайшей*.

К наиболее ранним сообщениям о бытовании некоей религии исследователи относят разного рода челобитные русских служилых людей 1640—1650 годов: «Расспросные речи десятника казачьего Москвитина с товарищами о поездке к князю Турукай табунану и к монгольскому хану Чичину», «Отписка енисейскому воеводе Афанасью Пашкову сына боярского Петра Бекетова о плавании его по рекам Тунгуске и Селенге и по Байкалу озеру» и т. д. [Сборник ..., 1960; Ламаизм ..., 1983 и др.]. Например, расспросные речи казачьего десятника Москвитина содержат одно из первых упоминаний о буддизме в местах расселения бурят: «... у Турокая князя юрты войлочные... а кому они молятца и то... писано всякими разными красками по листовому золоту, а лица писаны по листовому золоту человеческие, а подписи писаны по тому ж золоту против лиц на другой стороне... а иные у них болваны серебряные волчные [?] в поларшина золочены, и те и их болваны и писанные лица ставлены по их вере в мечетях воилочных и книги у них по вере есть ж, а писаны по бумаге, а бумага такова ж, как и русская. А молятца они ... перед теми своими болванами и написанными лицами на коленках стоя и по книгам своим говорят своим языком и обеих рук упирают пальцами себя в лоб и падают перед ними в землю и вставая опять говорят по книгам, а перед болванов они и написанных лиц в кое время они им молятца ставят чаши серебряные з горячим угольем, а на уголье кладут ладан росной» [Сборник ..., 1960, с. 114].

В своем развитии бурятский буддизм прошел множество этапов. Первый этап, как мы уже отметили, был связан с деятельностью монгольских князей и откочевавшими с ними родами, которые впоследствии станут первыми бурятскими носителями буддизма. Это было время неорганизо-

ванного и несистемного распространения буддизма: «С первой половины XVII века и до 1727 г. буддизм в Забайкалье, по всей видимости, не представлял собой сколько-нибудь системного целого, а бытовал в виде небольших кошмовых дуганов, в которых проводились службы...» [Цыремпилов, 2014, с. 9].

Следующий виток развития был связан с появлением в 1712 году группы тибетских и монгольских лам. Считается, что именно прибытие лам значительно ускорило процесс распространения буддизма. В исторической хронике В. Юмсунова говорится, что все ламы, коих было 150, были рассоединены по разным селенгинским и хоринским родам. Также сообщается, что все они были очень образованны и их наставническая и врачевательная деятельность очень ценилась [Бурятские ..., 1995, с. 43]. Появление лам также способствовало тому, что многие бурятские сыновья начали отправляться на учебу в монастыри Тибета и Монголии, среди них окажется и Д.-Д. Заяев — будущий первый Пандито Хамбо-лама.

В дальнейшем наряду с войлочными и передвижными молельнями начинают появляться уже стационарные храмы. В то время царское правительство было крайне обеспокоено положением приграничных территорий и процессами, происходившими там, что повлияло на его заинтересованность в поддержке буддизма, приверженцами которой являлись буряты. В 1727 году между Российской империей и Империей Цин был подписан договор об определении границ между двумя государствами, что стало одним из важнейших факторов формирования автономного бурятского буддизма уже в российском подданстве. Согласно хронике Д.-Ж. Ломбоцыренова, 30-е годы XVIII века ознаменовались появлением дацана в местности Эрхэ Бурэгэ, где стали совершаться хуралы (молебны) [Там же, с. 112]. Этот дацан, перенесенный в 1741 году в местность Хилгантуй, стал называться Цонгольским. Официальной же датой создания монастыря считается 1741 год, и именно с нее начинается отсчет буддизма в Бурятии.

В 1732 году от родоначальников цонгольского рода, инициировавшего строительство этого дацана, поступило впоследствии одобренное ходатайство о назначении главным ламой Нгаванг Пунцока (тиб. ngag dbang phun tshogs, འགྲུབ་པ་པུན་མཆོག་པོ་). После продолжительного обучения Д.-Д. Заяев возвращается из Тибета и становится его помощником. В 50-х годах XVIII века был построен «новый» Цонгольский (Хилгантуйский) дацан, который получил название *Балдан Брейбун* по аналогии с монастырем, где обучался сам Д.-Д. Заяев. Согласно указу «Чикойского управления за № 1780 от 23 ноября 1753 года по предшествовавшему ходатайству Агван Пунцука и Дамба Даржа Заяева утверждена постройка деревянного здания Цонгольского дацана» [Ламаизм ..., 1983, с. 20].

Заметим, что в бурятских исторических хрониках и официальных документах сведения о событиях, датах и связанных с ними персоналиях несколько разнятся. По мнению К. М. Герасимовой, противоречивые даты свидетельствуют о том, что «фактически строительные и прочие внутренние административные дела дацана шли своим чередом, независимо от разрешений различных инстанций русской администрации со своей канцелярской хронологией» [Там же, с. 20]. Первая половина XVIII века стала периодом интенсивного развития буддизма у бурят, становления ее церковной и культовой системы. В 1764 году Д.-Д. Заяев получил звание «Главного Бандида хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала». Вплоть до начала XIX века продолжалось активное распространение буддизма, строились и расширялись монастырские комплексы, активно развивалась образовательная деятельность, утверждались определенные службы-молебны.

Буддизм становится важной частью общественной жизни региона и одним из ключевых факторов в политических процессах. Это продолжалось до начала репрессивной политики советского государства, при реализации которой буддизм пришел в упадок: были сожжены дацаны, буддийские реликвии, репрессированы представители духовенства. Однако с 1945 года начался процесс восстановления после гонений и разрушений. В 1990-х годах буддизм начинает возрождаться: активно восстанавливаются разрушенные и строятся новые храмы, налаживается международная образовательная деятельность, появляются многочисленные буддийские общины.

2. Культ Махакалы в Бурятии

Махакала (тиб. *pag ro chen po*, བཀའ་རོ་ཆེན་པོ་) — группа божеств, в составе которой насчитывается более семидесяти разных форм (данные разнятся: по одним сведениям — 72, по другим — 75 форм). Многие исследователи связывают его генезис с индийским божеством Шивой, в частности с одной из его форм — Бхайравой. Культ Махакалы начал развиваться и распространяться в тибетском буддизме начиная с XI века, когда знаменитый лоцава Ринчен Занпо впервые перевел с санскрита гимн, посвященный божеству. Дальнейшее развитие и популяризация культа Махакалы связаны с Кхюнгпо Нелджором, который не только особо почитал Шестирукую форму божества, но также привнес в тибетский буддизм почитание Белого Махакалы (подробнее о культе Махакалы в Тибете см.: [Батомункуева, 2020a]).

Известно, что культ Махакалы у монголов получил развитие при Хубилай-хане, который почитал это божество как личного покровителя, а впоследствии возвысил до государственного уровня. После падения его империи культ Махакалы потерял свою значимость, как и буддизм в целом. Свою

былую утраченную силу этот культ восстановил во времена правления Абатай-хана, инициировавшего строительство первого монгольского буддийского монастыря Эрдэни-дзу, покровителем которого стал Гургон Махакала (подробнее о культе Махакалы в Монголии см. [Батомункева, 20206]).

Несмотря на то, что существует множество разных форм божества Махакалы, распространение и почитание у бурят получили только три из них: Шестирукий Махакала (тиб. *mgon po phyag drug pa*, *མགོན་པོ་ཕྱག་རྒྱལ་པ་*), Четырехликий Махакала (тиб. *mgon po zhal bzhi pa*, *མགོན་པོ་ཞལ་བཞི་པ་*) и Белый Шестирукий Махакала (тиб. *mgon po dkar po phyag drug*, *མགོན་པོ་དཀར་པོ་ཕྱག་རྒྱལ་པ་*). Также следует добавить, что в бурятском буддизме из вышеназванных форм наиболее популярен Шестирукий Махакала, и обычно его именуют тибетским словом Гомбо (тиб. *mgon po*, *མགོན་པོ་*), что означает «защитник», а за двумя другими Махакалами закрепились транскрибированные с тибетского языки их имена — Шальши и Гонгор.

Наиболее раннее упоминание о почитании Махакалы среди бурят (точнее, о присутствии образа в бурятских храмах) относится к 1772 году, когда академик П. С. Паллас посетил Цонгольский дацан. Академик достаточно подробно описал архитектуру дацана, но, к сожалению, он не вдавался в культовые подробности и ограничился упоминанием списка наиболее почитаемых божеств, в числе которых три вышеупомянутые формы Махакалы, популярные у бурят [Pallas, 1801, p. 147].

Архиепископ Нил в своем сочинении 1858 года, описывая убранство Цонгольского дацана, отмечал его богатство и разнообразие. Также он перечислил некоторых божеств, в числе которых и Белый Шестирукий Махакала, названный им Шестируким Гун-гаром, но как наиболее важное божество он отметил Шестирукого Махакалу: «... мощный защитник буддизма Гомбо. Он весь обвит змеями и украшен венцом из мёртвых голов, а поелику у него шесть рук, то в одной он держит трезубец с изображением смерти, в другой крюк и петлю, в третьей дамару, в четвертой четки, в пятой чашу из черепа, в шестой секиру» [Архиепископ, 1858, с. 102].

С. Ц. Базаров приводит строки из «Отчета о ревизии бурятских дацанов А. М. Позднеева...», где говорится о том, что «основным бурханом Цокчен-дацана являлось изображение Цзонхавы, величиной в одну сажень, по левую сторону которого находилось изображение гения-хранителя монастыря Гонбо, величиной около 2 аршин. По обеим сторонам от этих двух главнейших бурханов располагался справа Ганжур, а слева — Данжур» [Базаров, 2006, с. 40].

Также одним из свидетельств, подтверждающих этот факт, является документ, изданный монгольским исследователем Б. Ринченом, в котором представлены некоторые статистические сведения по бурятским дацанам

с 1744 по 1838 годы: даты их создания, количество зданий, а также им перечисляются божества-защитники этих дацанов. Божеством-покровителем Цонгольского дацана являлся Гомбо (то есть Шестирукий Махакала). Также упоминается и Четырехликий Махакала как хранитель Сартул-Булагского дацана [Four ..., 1959, p. 137—138].

Как уже было отмечено, территория современной Бурятии во время распространения буддизма была под общим религиозным и культурным влиянием общемонгольского мира. Трудно с точностью сказать, когда именно в Бурятии начали отправлять службы по Махакале. А. М. Позднеев отмечал, что «из Эрдэни-цзусского монастыря порядок служения докшитов разошелся по всей Халхе, равно как проник и к нашим бурятам» [Позднеев, 1887, с. 322]. По сообщению А. М. Позднеева, отправление служб, связанных с защитниками учения, в Монголии было организовано не ранее 70-х годов XVIII века и намного позднее распространения самого буддизма и возникновения храмов. Согласно его сведениям, в 1776 году Дагба Дорже, наместник монастыря Эрдэни-дзу, обратился к Тушету хану с докладом о том, что, несмотря на давнее почитание Махакалы или Гомб-гуру, все же отсутствуют специальные книги по данному докшиту для совершения молебнов и книги, адекватно излагающие обрядовую сторону. Тушетухан представил этот доклад Джебзундамба-хутукте, который разъяснил, что это действительно так и что монголам необходимо самим составить соответствующие обрядники и молитвенники либо командировать нескольких своих лам в Тибет, в сакияские монастыри, чтобы те обучились всему необходимому. В 1776 году из Эрдэни-дзу в Тибет было направлено посольство во главе с гебкоем Лубсан Чойдубом. Прибыв в Тибет, Лубсан Чойдуб прослушал наставления о служениях Гомб-гуру и другим докшитами у Агван Гунга Лодон Санжи Дамба Джанцана. Возвратившись домой, он передал все полученные практики и знания [Там же, с. 321—322].

В то же время в «Истории Эрдэнэ-дзу» несколько иные сведения, из которых следует, что почитание Гомб-гуру было установлено задолго до времени, описываемого А. М. Позднеевым. В «Истории Эрдэнэ-дзу» говорится о том, что в 1657 году халхасские князья вознесли молитву Джебзундамбе и совершили в Эрдэни-дзу большое молебствие. Стали читать молитвы Гомбо в качестве общей службы, читать молитвы гневным божествам и Ганджур. Так в Эрдэни-дзу ввели в обычай чтение молитвы Гомб-гуру в качестве постоянной ежедневной службы [История ..., 1999, с. 71].

Так или иначе Эрдэни-дзу был центром буддизма в Монголии, а Гургон Махакала являлся главным покровителем этого монастыря. Казалось бы, именно эта форма божества должна была получить распространение и в бурятском буддизме, основы которого были заложены во времена под-

данства бурят монгольским князьям. Однако в Бурятии, следует полагать, изначально утвердился культ Шестирукого Махакалы. Так, в настоящее время божеством-хранителем Цонгольского дацана является Шестирукий Махакала. И, поскольку в буддизме не практикуется «смена» покровителей, можно предположить, что именно он и был изначально избран в качестве хранителя. Учитывая, что на ранних этапах не было налаженной системы храмовых служб, отправлений ритуалов, связанных с почитанием отдельных божеств, нельзя исключать и то, что в не освещенный в литературе период отсутствовало почитание Гургон Махакалы. Возможно, представления о Гургон Махакале и почитание божества присутствовало в народе, поскольку на начальном этапе в принципе не могло быть определенного регламента, ведь процесс смены культовых приоритетов не был оформлен и в самой Монголии. И, на наш взгляд, появлению Шестирукого Махакалы в буддизме бурят способствовал именно Д.-Д. Заяев, поскольку он был продолжателем тибетских традиций, в частности, монастыря Палден Дрепунг Гоманг (тиб. *dpal ldan 'bras spungs sgo mang*, དཔལ་ལྷན་རྒྱལ་སྤྱོད་སྐོར་མང་), где он сам и обучался. Предполагается, что Д.-Д. Заяев привнес в бурятский буддизм традицию почитания Шестирукого Махакалы напрямую из Тибета и именно поэтому популяризировался культ божества в этой форме, а не Гургон Махакалы.

3. Деятельность первого Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Заяева

Прежде чем говорить о Д.-Д. Заяеве, необходимо отметить, что в истории распространения и развития буддизма среди бурят особая роль принадлежит тибетскому ламе Нгаванг Пунцок, личность которого зачастую остается в тени первого Пандито Хамбо-ламы. Нгаванг Пунцок — один из тибетских лам-первопроходцев, стоявших у истоков буддизма в Бурятии. Некоторые исследователи считают, что Нгаванг Пунцок лама — выходец из Восточного Тибета, монастыря Чоне Ганден Шедруплинг, появился в Забайкалье в 1964 году вместе с цонголами и жил при Лубсан тайше [Ламаизм ..., 1983, с. 17; Цыремпилов, 2014, с. 6]. В бурятских хрониках не уделяют особого внимания его личности, ограничиваются лишь упоминанием: «Агван Пунцук ... был произведен в главные ламы селингинских и хоринских лам. Эти ламы распространяли учение о религии по очереди в селингинских и хоринских родах, ввели религию Будды, и отсюда постепенно и лам стало много и дацаны распространились среди селингинских родов» [Бурятские ..., 1956, с. 15]. Также в бурятских летописях говорится о том, что после его смерти занимаемая им должность перешла к Д.-Д. Заяеву. По мнению Н. Д. Болсохоевой, Нгаванг Пунцок стоял у истоков философского образования в Бурятии: «Агван Пунцок заложил основы буд-

дийского философского образования, что явилось толчком для создания монастырей школьного типа в этнической Бурятии в середине XIX века, получивших широкое распространение и игравших важную роль в образовательном процессе» [Болсохоева, 2013, с. 67].

Нгаванг Пунцок являлся первым настоятелем первого буддийского храма бурят. Возвращаясь к истории первого дацана, воздвигнутого в 1930-х годах храма в Эргэ Бурге, добавим, что изначально делами в нем заведовал Нгаванг Пунцок. В 1741 году указом Елизаветы Петровны он был назначен главным ламой забайкальских буддистов. Нгаванг Пунцок лама был очень образованным и не в меньшей степени, чем Д.-Д. Заяев, способствовал распространению буддийской религии среди бурят.

Известно, что Д.-Д. Заяев не только был прекрасным знатоком буддийского учения, но и обладал огромным стремлением распространить это учение у себя на родине, внедрив его в общественную, культурную и политическую жизнь бурят. Последнее оказалось обоюдно выгодным и для царского правительства, которое пыталось контролировать и регулировать приграничные процессы, и именно заинтересованность властей явилась одним из факторов успешного распространения буддизма на бурятской земле. Л. Е. Янгутов отмечает, что эту политическую значимость буддизма в Бурятии сумели разглядеть царские чиновники, которые увидели в нем удобное средство закрепления своих позиций в Забайкалье [Янгутов, 2012, с. 27]. Царское правительство было вынуждено осуществлять свою политику в Забайкалье очень осторожно, поскольку оно было ключевым районом в коммуникациях с Дальним Востоком, а также являлось важнейшим связующим звеном с соседними государствами.

На начальных этапах истории буддизма в тех или иных регионах всегда отмечалось взаимодействие и сотрудничество представителей светской власти и духовенства. Возможно, что именно такому пути и следовал Дамба-Даржа Заяев в деле распространения буддизма. Из агиографии Д.-Д. Заяева следует, что он неоднократно обращался к своим тибетским учителям за советом, как следует распространять учение Будды. На одно из своих обращений он получил следующий ответ от Панчен-ринпоче: «Прекрасно, что ты распространяешь Дхарму в невежественных краях... Оберегай чистоту традиции Дхармараджии Трех Миров должным образом. Старайся обратить в религию царей России. Проявляя умение в обеих сферах, полнотой откажись от военного дела...» [Цыремпилов и др., 2009, с. 266]. Иными словами, для того, чтобы сделать царя и его министров союзниками в распространении буддийского учения, следует усердствовать в этом, используя разные методы, необходимо быть искусным как в делах религиозных, так и политических [Там же, с. 267]. В этой связи становится

вполне допустимой аналогия с историческими событиями, когда Хубилай-хан получил первые наставления, связанные с Махакалой от Пагба-ламы. Также и Абатай-хан получил от Далай-ламы III свое первое посвящение. Таким образом, Махакала, обладающий силой и славой Тенгри, заменивший духов-онгонов, возможно, стал бы прекрасным инструментом в деле обращения царей в буддийскую религию.

С момента переноса в 1741 году из Эргэ Бургэ войлочного дугана в местность Хилгантуй произошли существенные изменения в сторону улучшения дел буддизма. И к тому времени, возможно, с возвращением Д.-Д. Заяева появились идеи строительства уже стационарного деревянного храма. Н. В. Цыремпиллов пишет: «Кошмовый храм, каким бы большим и роскошным он ни был, уже не мог более соответствовать статусу религии, официально признанной властями. Как представляется, по мысли Заяева, речь шла не просто о деревянной постройке, а о полноценном храмово-монастырском комплексе, который должен был стать копией то ли ... первого монастыря Тибета, то ли крупнейшего тибетского монастыря Пелден Дрепунг, в котором и обучался Заяев. Заяев совместно с Нгаванг Пунцоком подает разрешение на постройку местным властям ... вероятно, это произошло в 1741 году, одновременно с прошением о зачислении монахов в государственный комплект, и через некоторое время в 1745 году здание было построено» [Цыремпиллов, 2014, с. 17]. Считается, что в новом дацане Заяев завел порядки монастыря, в котором сам обучался: административное управление, сроки и порядок богослужения, ритуальные тексты, матрицы для иконописных и скульптурных изображений божеств относились к тибетской традиции [Ламаизм ..., 1983, с. 17—18].

В сочинении Буян-Далай дорамбы (буддийская ученая степень) говорится о том, что Панчен лама Лосанг Еше (тиб. blo bzang ye shes, ལྷོ་བཟང་ཡེ་ཤེས་) даровал ему свою шапку, а Далай-лама VII Келсан Гьяцо (тиб. bskal bzang rgya mtsho, བསྐལ་བཟང་རྒྱ་མཚོ་) вручил Заяеву план, по которому следовало строить храм у себя на родине [Four ..., 1959, p. 61]. Возвратившись в родные земли, Заяев снискал почет и уважение как высокообразованный лама и совместно с ширетум (настоятель) Нгаванг Пунцоком начал проводить религиозные службы, объединявшие разные роды.

Небезынтересно также отметить, что недалеко от Цонгольского дацана на скальной глыбе чудесным образом, по мнению верующих, проявилась мантра Авалокитешвары (бур. Арьябала) «Ом мани падмэ хум», а Махакала, как известно, считается его гневным проявлением.

Упомянутые три формы Махакалы наряду с Ваджрапани, Чогьялом, Пелден Лхамо, Намсрай, Бегцзе, Сендонмой и Ценбой входят в число десяти установленных в Бурятии защитников буддийского учения. В бурят-

ских храмах ритуалы, связанные с Шестируким Махакалой, отправляются по тексту Гелек Пелзанга (тиб. *dge legs dpal bzang po*, དགེ་ལགས་དཔལ་བཟང་པོ་, более известный как Кхедуб Чже, он являлся одним из двух главных учеников Цонкапы). Ритуалы двух других форм — Гонгора и Шальши — совершаются по текстам, которые составлены Далай-ламой III Сономом Гьяцо (тиб. *bsod nams rgya mtsho*, བསོད་ནམས་རྒྱ་མཚོ་) и Дампи Минченом (тиб. *dam pa'i min can*, དཀ་པའི་མིང་ཅན་) соответственно.

Будучи защитниками учения, Махакалы часто становятся хранителями буддийских монастырей. Во многих бурятских дацанах разные формы Махакалы установлены в качестве хранителей: Гонпо Шальши — хранитель Баргузинского дацана, Гонпо Чагджугпа — Анинского дацана, Гонпо Шальши — хранитель широко известного «Дворца Хамбо-ламы Этигэлова», а также у множества храмов на территории Иволгинского дацана в качестве хранителя установлены разные формы Махакалы: Гонгор — Чойра-дуган, Мани-дуган и Джуд-дуган — Гонпо Чагджугпа и т. д. К слову, Шестирукый Махакала является хранителем одного из известнейших буддийских монастырей в Индии — Дрепунг Гоманга, а также и не менее известного тантрического монастыря — Гьюто.

4. Образ Махакалы в контексте взаимодействия буддизма с культурными и религиозными традициями

С распространением буддизма среди бурят начались изменения в бытовавших в тот период религиозных обычаях, а именно в шаманизме. К слову, на монгольском этапе буддизм встретился еще и с тэнгрианством. Вместе с тем нельзя назвать этот процесс односторонним, ибо буддизму тоже приходилось адаптироваться к существовавшим традициям. Н. Л. Жуковская отмечает толерантность, терпимое отношение буддизма к национальным традициям и уже существующей ритуальной практике, что привело к формированию определенного симбиоза ранних форм религии и буддизма, к включению в его пантеон и обрядовую практику элементов и мифологических образов раннего пласта традиционной культуры этих народов [Жуковская, 2013, с. 98].

Образ божества Махакалы вошел в культуру бурят, смешавшись с одним из наиболее важных шаманских культов. По этому поводу Н. Н. Поппе писал, что буддийские проповедники в Забайкалье объявляли определенное шаманское божество являющимся по сути тем или иным божеством буддийского пантеона. К примеру, «бурятское шаманское божество *Гуджир тенгри* было объявлено тождественным буддийскому божеству *Mañākāla*, и все признаки и функции прежнего шаманского божества были перенесены на соответствующее божество буддийского пантеона» [Поппе, 1952, с. 151].

Некоторые исследователи отмечают «добурятский» период в переименовании божества, и, по мнению Н. Б. Дашиевой, «образ бога — покровителя кузнецов — *Хан-Гужир-тэнгэри* напрямую восходит к высшему божеству шаманского пантеона средневековых монголов *Махагала Дархан Гужир-тэнгэри*» [Дашиева, 2018, с. 120—121]. Г. Р. Галданова считает, что образ *Махагала Гужир-тэнгэри* носит следы контаминации разновременных и неоднозначных представлений; возможно даже, что на его появление как покровителя кузнечного ремесла повлиял и культ самого Чингисхана, о котором в преданиях говорилось, что в молодости он был кузнецом [Галданова, 1995, с. 99]. Н. Н. Поппе также приводит текст шаманской рукописи, в первых строках которой говорится: «Совершившийся по указу святого учителя-будды и благопожеланиями *тенгрия Хормусты* старший из 99 *тенгриев* великий *Mahākāla Дархан Гуджир Тенгри*» [Поппе, 1957, с. 155]. Образ Махакалы, заняв почетное место в шаманском пантеоне как *тенгри*-небожитель, и по сей день фигурирует в нем.

Особую значимость божества Махакалы в монгольском мире подтверждают сведения из важнейшего договора «*Арбан буяны цааз*», который был подписан в 1578 году между Далай-ламой III Сонамом Гьяцо (тиб. bsod nams rgya mtsho, བསོད་ནམས་རྒྱ་མཚོ་) и Алтан-ханом. Согласно Ц. П. Ванчиковой, впервые они встретились в районе озера Кукунор, где «... заключили союз о единстве буддийской церкви и светского правления» [Ванчикова, 2019, с. 37]. Согласно одному из десяти пунктов этого закона, который регулировал религиозную сторону жизни монгол и ее взаимодействие с государственно-политическими процессами, все изображения шаманских духов полагалось сжечь и заменить образом Махакалы. Однако нет определенности в том, какой формой Махакалы предполагалось их заменить, так как имеются разные сведения. В «Жизнеописании Всеведущего Богдо Соднам-Жамцо, называемое Колесница моря волшебств», составленном Далай-ламой V Нгаванг Лобсан Гьяцо (тиб. ngag dbang blo bzang rgya mtsho, འག་དབང་བློ་བཟང་རྒྱ་མཚོ་), сообщается: «Третий далай-лама предал огню главный онгон (шаманский идол) Алтан-хагана в качестве приношения богу Четырехликому Гомбо. Этому примеру... последовали все монголы, предавшие огню свои онгоны» [цит. по: Бира, 1978, с. 255]. Некоторые исследователи отмечают, что онгонов следовало заменить Шестируким Махакалой [Дугаров, 2013, с. 40; Чимитдоржиев, 1997, с. 20 и др.]. Вероятно, эти законы также сыграли большую роль в распространении буддизма и укреплении его положения среди бурят.

5. Заключение

Первую половину XVIII века можно назвать временем начала становления храмовой системы бурятского буддизма. Именно в этот период на-

чала формироваться также и культовая система, в определенной степени автономная от монгольской. Если не конкретизировать до определенных форм, то ясно одно: образ могущественного и грозного божества Махакалы являлся наиболее подходящим в деле распространения буддизма и для борьбы с небуддийскими элементами, в частности, с шаманизмом. Несмотря на традиции почитания у соседних единоверцев Махакалы в форме Гургон — главного защитника школы сакья, буряты отдали предпочтение Шестирукому Махакале. Начало культовой практики почитания этого божества связано с первым Пандито Хамбо ламой Дамба-Даржой Заяевым — продолжателем традиций тибетского монастыря Дрепунг Гоманг, где Шестирукий Махакала является главным покровителем. Д.-Д. Заяев установил Шестирукого Махакалу защитником первого бурятского буддийского монастыря, тем самым заложил основы развития буддизма гелугпинского направления. Функции этого божества, заключающиеся в защите и покровительстве учения и его последователей, были очень востребованы в непростое для буддизма время, на этапе его становления. Культ Махакалы прочно внедрился в религиозные представления бурят, адаптировался к социокультурным реалиям и вошел в систему шаманских воззрений. За несколько веков бытования культ Махакалы не утратил своей первоначальной значимости, и по сей день традиции почитания этого божества занимают важное место в храмовой обрядности бурятского буддизма.

Источники

1. *Бурятские летописи* / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. — Улан-Удэ: Курумкан : Курумканская типография, 1995. — 198 с.
2. *Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1* / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. — Улан-Удэ : Типография Министерства культуры БурАССР, 1960. — 493 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нил Архиепископ Ярославский*. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири / Нил, архиепископ Ярославский. — Санкт-Петербург : тип. Г. Трусова, 1858. — 386 с.
2. *Базаров С. Ц.* История становления и развития Цонгольского и Гусиноозерского дацанов (XVIII — начало XX века) : диссертация ... кандидата исторических наук / С. Ц. Базаров. — Улан-Удэ, 2006. — 157 с.
3. *Батомункуева С. Р.* К истории культа Махакалы в Тибете / С. Р. Батомункуева // Ориенталистика. — 2020. — Т. 3, № 4. — С. 1114—1130. — DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1114-1130.
4. *Батомункуева С. Р.* К ранней истории культа Махакалы в Монголии / С. Р. Батомункуева // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. — 2020. — Вып. 3. — С. 182—194. — DOI: 10.31554/978-5-7925-0600-8-2020-3-182-194.

5. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII веков) / Ш. Бира. — Москва : Наука, 1978. — 319 с.
6. *Болсохоева Н. Д.* Чоки Агван Пунцок — буддийский учитель и миссионер / Н. Д. Болсохоева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство : Пятые Доржиевские чтения. — Санкт-Петербург : Гиперион, 2013. — С. 62—70. — ISBN 978-5-89332-211-8.
7. *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / Ц. П. Ванчикова. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 292 с. — ISBN 978-5-6042914-3-6.
8. *Галданова Г. Р.* Эволюция представлений о тэнгри / Г. Р. Галданова // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники : сборник статей. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. — С. 94—108. — ISBN 5-7623-1041-8.
9. *Дашиева Н. Б.* К истории кузнечного культа рода галзут в составе бурятского племени хори / Н. Б. Дашиева // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2018. — Т. 26. — С. 108—124. — DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.108.
10. *Дугаров Р. Н.* Очерки средневековой истории Кукунора / Р. Н. Дугаров. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7411-0668-4.
11. *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1961—2011 / Н. Л. Жуковская. — Москва : Ориенталия, 2013. — 480 с. — ISBN 978-5-91994-023-4.
12. *История* Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи / перевод с монгольского, комментарий А. Д. Цендиной. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 255 с. — ISBN 5-02-018056-4.
13. *Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века.* Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, [и др.]. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 238 с.
14. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. — 492 с.
15. *Поппе Н. Н.* Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения / Н. Н. Поппе // Записки Института Востоковедения. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1932. — Т. I. — С. 151—200.
16. *Цыремпилов Н. В.* Ранний этап распространения и утверждения буддизма в Российском Забайкалье / Н. В. Цыремпилов // Буддизм в истории и культуре бурят : кол. монография / под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2014. — 418 с. — ISBN 978-5-9905883-0-1.
17. *Цыремпилов Н. В.* Тибетоязычная агиография Первого Пандито Хамбо-ламы Дамба Даржа Заяагийна / Н. В. Цыремпилов, И. С. Цыремпилова // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Регби Ешиевича Пубаева : сб. статей. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2009. — С. 258—271. — ISBN 978-5-7925-0254-3.
18. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Начало распространения буддизма в Бурятии / Ш. Б. Чимитдоржиев // Бурятский буддизм : история и идеология. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 1997. — С. 18—28.
19. *Янгутов Л. Е.* Буддизм в общественных и политических процессах Бурятии / Л. Е. Янгутов // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии : сборник статей. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — С. 20—33. — ISBN 978-5-9793-0470-0.

20. *Four Mongolian historical records* / ed. and translated by Dr. B. Rinchen // Mongol pitaka. — New Delhi, 1959. — Vol. 2: Indo-Asian literatures. — 155 p.

21. *Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkernschaften*. T. 2. / P. S. Pallas. — St. Petersburg : 1776—1801.

MATERIAL RESOURCES

Chimitdorzhiev, Sh. B., Vanchikova, Ts. P. (eds.). (1995). *Buryat chronicles*. Ulan-Ude-Kurumkan: Kurumkan typography. 198 p. (In Russ.).

Rumyantsev, G. N., Okun', S. B. (eds.). (1960). *Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century*. Ulan-Ude: Printing house of the Ministry of Culture of the BurASSR. 1. 493 p. (In Russ.).

REFERENCES

Batomunkueva, S. R. (2020). The Mahakala cult in Tibet: some aspects of its history. *Orientalistika*, 3 (4): 1114—1130. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1114-1130. (In Russ.).

Batomunkueva, S. R. (2020). Towards the early history of the Mahakali cult in Mongolia. In: *Buddhological research. Religious almanac*. 3: 182—194. DOI: 10.31554/978-5-7925-0600-8-2020-3-182-194. (In Russ.).

Bazarov, S. Ts. (2006). *The history of the formation and development of Tsongolsky and Gusi-noozersky datsans (XVIII — early XX century): PhD Diss.* Ulan-Ude. 157 p. (In Russ.).

Bira, Sh. (1978). *Mongolian historiography (XIII—XVII centuries)*. Moscow: Nauka. 319 p. (In Russ.).

Bolsokhoeva, N. D. (2013). Choki Aghwan Phuntsok — Buddhist teacher and missionary. In: *Buddhist Culture: History, Source Study, Linguistics and Art: The Fifth Dorzhiev Readings*. St. Petersburg: Giperion. 62—70. ISBN 978-5-89332-211-8. (In Russ.).

Chimitdorzhiev, Sh. B. (1997). The beginning of the spread of Buddhism in Buryatia. In: *Buryat Buddhism: History and Ideology*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 18—28. (In Russ.).

Dashieva, N. B. (2018). On the history of Galzut blacksmiths family within the Khori buryat tribe. *Irkutsk State University Bulletin. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*, 26: 108—124. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.108. (In Russ.).

Dugarov, R. N. (2003). *Essays on the Medieval History of Kukunor*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 122 p. ISBN 5-7411-0668-4 (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1995). Evolution of ideas about tengri. In: *Medieval Culture of Central Asia: Written Sources: Collection of Articles*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 94—108. ISBN 5-7623-1041-8. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (et al.). (eds.). (1983). *Lamaism in Buryatia XVIII — the beginning of the twentieth century. The structure and social role of the cult system*. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch. 238 p. (In Russ.).

Nil, Arkhiepiskop Yaroslavskiy. (1858). *Buddhism viewed in relation to its followers who live in Siberia*. St. Petersburg: tip. G. Trusova. 386 p. (In Russ.).

Pallas, P. S. (1801). *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkernschaften*. 2. St. Petersburg.

- Poppe, N. N. (1932). Description of Mongolian “shaman” manuscripts of the Institute of Oriental Studies. In: *Notes of the Institute of Oriental Studies*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. I: 151—200. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1887). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter towards the people*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 492 p. (In Russ.).
- Rinchen, B. (ed.). (1959). Four Mongolian historical records. In: *Mongol pitaka*. New Delhi. 2: Indo-Asian literatures. 155 p.
- Tsendinoy, A. D. (ed.). (1999). *History of Erdeni-zu. Facsimile of the manuscript*. Moscow: Vostochnaya literatura, RAN. 255 p. ISBN 5-02-018056-4. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V. (2014). The early stage of the spread and establishment of Buddhism in the Russian Transbaikalia. In: *Buddhism in the history and culture of the Buryats*. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom. 418 p. ISBN 978-5-9905883-0-1. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V., Tsyrempilova, I. S. (2009). Tibetoyazychnaya agiografiya Pervogo Pandito Khambo-lamy Damba Darzha Zayaagiyna. In: *From Dunhuang to Buryatia: In the Footsteps of Tibetan Texts. Russian Tibetologists on the occasion of the 80th anniversary of the birth of Rugby Yeshievich Pubaev*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 258—271. ISBN 978-5-7925-0254-3. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2019). *Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries*. Irkutsk: Otisk. 292 p. ISBN 978-5-6042914-3-6. (In Russ.).
- Yangutov, L. E. (2012). Buddhism in social and political processes in Buryatia. In: *Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and the countries of Central Asia*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. 20—33. ISBN 978-5-9793-0470-0. (In Russ.).
- Zhukovskaya, N. L. (2013). *About Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1961—2011*. Moscow: Orientaliya. 480 p. ISBN 978-5-91994-023-4. (In Russ.).